

Самойлова Дарья Андреевна

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕЦЕПЦИИ РОМАНА "МАСТЕР И МАРГАРИТА" В 1930-1950-Х ГОДАХ В РАЗЛИЧНЫХ РЕФЕРЕНТНЫХ ГРУППАХ

Статья посвящена анализу восприятия булгаковского романа на стадии его написания и в контексте двух кругов читателей – близкого автору и потенциального – широкого круга его современников, открывшего произведение только в 1960-е годы. Автор раскрывает особенности рецепции, детерминированной изменением социально-политического, культурно-исторического и аксиологического фона эпохи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/3-2/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. II. С. 189-193. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. **Богородицкий В. А.** Лекции по общему языковедению. Изд-е 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 312 с.
2. **Богородицкий В. А.** Очерки по языковедению и русскому языку. Казань: Типолиитография Императорского Университета, 1911. 246 с.
3. **Богородицкий В. А.** Очерки по языковедению и русскому языку. Изд-е 5-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
4. **Губайдуллина Г. Т.** Некоторые принципиальные основы экспериментально-фонетических исследований // Государство, общество и политика: экономические, правовые и социально-психологические аспекты: материалы всероссийской научно-практической конференции студентов и аспирантов, 15 мая 2008 г. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2009. С. 363-364.
5. **Маслов Ю. С.** Введение в языкознание: учеб. для филол. спец. вузов. Изд-во 2-е, перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1987. 272 с.
6. **Соссюр Ф. де.** Курс общей лингвистики / ред. Ш. Балли и А. Сеше; пер. с франц. А. Сухотина. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. 432 с.
7. **Фрумкина Р. М.** Психоллингвистика: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 320 с.
8. **Щерба Л. В.** Интонация // Языковая система и речевая деятельность / под ред. Л. Р. Зиндера и М. И. Матусевич. Серия «Лингвистическое наследие XX века». Изд-е 4-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 158-159.
9. **Щерба Л. В.** О взаимоотношениях дисциплин, изучающих звуки речи // Языковая система и речевая деятельность / под ред. Л. Р. Зиндера и М. И. Матусевич. Серия «Лингвистическое наследие XX века». Изд-е 4-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 185-190.
10. **Broch O.** Thomson, Allgemeine Sprachwissenschaft (russ.) // Archiv für Slavische Philologie. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1912. S. 240-244.
11. **Helmholtz H. von.** Die Lehre von den Tonempfindungen als Physiologische Grundlage für die Theorie der Musik. Braunschweig: Druck und Verlag von Friedrich Vieweg und Sohn, 1863. 600 S.

**RESEARCHES OF PHYSICAL-ACOUSTIC ASPECT
OF PRONUNCIATION BY V. A. BOGORODITSKII**

Samarin Dmitrii Aleksandrovich, Ph. D. in Philology
Baikal State University (Branch) in Yakutsk
dsamarin2011@yandex.ru

The author analyzes the acoustic researches conducted by V. A. Bogoroditskii, tells that the Russian scientist showed the similarities and differences in the formation of musical sounds and noises, pays special attention to the researches of V. A. Bogoroditskii in the sphere of changing the timbre, substantiates the significance of the researches by comparing his theory with the scientific developments of H. Helmholtz, considers the physical-acoustic researches of V. A. Bogoroditskii from theoretical and practical aspects, and emphasizes their innovative character.

Key words and phrases: V. A. Bogoroditskii; phonetics; acoustics; sound; noise; vowel; consonant; sound strength; tone; timbre; pronunciation; speech organ.

УДК 821.161.1

Филологические науки

Статья посвящена анализу восприятия булгаковского романа на стадии его написания и в контексте двух кругов читателей – близкого автору и потенциального – широкого круга его современников, открывшего произведение только в 1960-е годы. Автор раскрывает особенности рецепции, детерминированной изменением социально-политического, культурно-исторического и аксиологического фона эпохи.

Ключевые слова и фразы: рецепция; аксиологический фон эпохи; модификация читательского восприятия; референтная группа.

Самойлова Дарья Андреевна

Новосибирский государственный педагогический университет
dana220@mail.ru

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕЦЕПЦИИ РОМАНА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»
В 1930-1950-Х ГОДАХ В РАЗЛИЧНЫХ РЕФЕРЕНТНЫХ ГРУППАХ[©]**

Объектом для исследования особенностей рецепции художественного произведения в историческом аспекте мы избрали роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Вот уже на протяжении семидесяти с лишним лет он волнует умы читателей различных возрастов и культур. Каждый реципиент, так или иначе

принявший участие в нашем исследовании, интерпретировал роман, исходя из собственного мировоззрения, и, что замечательно, в каждом конкретном случае роман оценивался как острый, актуальный, современный. В данной статье мы реконструируем, насколько это возможно, восприятие романа современниками М. Булгакова в 1930-1950 гг. Естественно, что речь идет не просто о неопубликованном, но и незаконченном романе, который создается в контакте с реальным читателем.

В архиве известного булгаковеда М. Чудаковой сохранился один любопытный исторический документ – донесение неизвестного осведомителя ОГПУ от 28 февраля 1929 г., где речь идет о будущем романе «Мастер и Маргарита»: «Видел я Некрасову, она мне сказала, что М. Булгаков написал роман, который читал в некотором обществе, там ему говорили, что в таком виде не пропустят, так как он крайне резок с выпадами, тогда он его переделал и думает опубликовать, а в первоначальной редакции пустить в качестве рукописи в общество, и это одновременно вместе с опубликованием в урезанном цензурой виде» [Цит. по: 2, с. 201]. Это, пожалуй, самое первое упоминание о романе, сохраненное историей. Как мы можем заметить, с самого начала он задумывался как обличительный, сатирический, предполагал острую оппозицию действующей идеологии, а потому *a priori* не мог быть издан в СССР. Авторская стратегия с самого начала предполагала два варианта бытования романа: официальный (цензурированный, сокращенный) и неофициальный, рукописный. История публикации романа подтвердила, что издать полный вариант текста сразу оказалось невозможным даже в 1960-е годы.

Из архивов Е. С. Булгаковой мы знаем, что 2 августа 1933 г. Булгаков сообщил своему другу, писателю В. Вересаеву (Смидовичу) (1867-1945): «В меня... вселился бес. Уже в Ленинграде и теперь здесь, задыхаясь в моих комнатенках, я стал марать страницу за страницей наново тот свой уничтоженный три года назад роман. Зачем? Не знаю. Я тешу себя сам! Пусть падет в Лету!» [Там же, с. 238]. История романа предстает в этом письме как полное обновление («наново») уже уничтоженного текста, по сути, новый роман. Цель автора иррациональна, под стать тематике («вселился бес»), ее реализация предполагает получение удовольствия от работы над собственным произведением. Исследователь В. Попов полагает, что М. Булгаков, как «мистический писатель» [5, с. 25], изначально обрекает свое произведение на маргинальное существование, «противопоставляя сам сугубо эмпирический, почти религиозный метод творчества (трансляция Божественного промысла) запросам соцреализма» [Там же, с. 28]. Однако, судя по приведенной выше цитате, «промысел» в восприятии самого автора носил отнюдь не «божественный» характер. Причиной непонимания романа в современных писателю советских литературных и окололитературных кругах стала идеологическая и эстетическая система соцреализма, господствовавшая в 30-40-е гг. Она ставила во главу угла идею рационализма, политического прагматизма, целесообразности. Литературные произведения писались с целью воспитания в советском гражданине определенных, требуемых советской идеологией качеств.

Как известно, исследуемый роман не просто не отвечал требованиям, заданным идеологами соцреализма, он был во многом направлен против них. Поэтому в 1938 г., на завершающем этапе работы, Булгаков пишет супруге: «“Что будет?” – ты спрашиваешь. Не знаю. Вероятно, ты уложишь его в бюро или в шкаф, где лежат убитые мои пьесы, и иногда будешь вспоминать о нем. Впрочем, мы не знаем нашего будущего. Свой суд над этой вещью я уже совершил, и, если мне удастся еще немного приподнять конец, я буду считать, что вещь заслуживает корректуры и того, чтобы быть уложенной во тьму ящика. Теперь меня интересует твой суд, а буду ли я знать суд читателей, никому неизвестно» [2, с. 304]. Теперь роман уже предназначен не только для себя, но и для наиболее близкого писателю человека. Единственный реальный и вместе с тем идеальный читатель – жена автора. Его самого в метапозиции читателя и критика роман в основном удовлетворяет. У него есть и ясное понимание невозможности публикации произведения в СССР. Высокая оценка автором произведения, его относительная завершенность позволяют оспорить согласное мнение ряда исследователей (В. Минин, М. Евдокимова, А. Левин и др.), утверждающих наличие множества недочетов и авторских недоработок в тексте, работа над которым была внезапно прервана по причине смерти Булгакова. «Тьма», «убийство» – это пространство забвения, неведения, смерти, в котором неопределенное время будет пребывать роман.

Первый биограф Михаила Афанасьевича В. Попов также писал в 1940 г., что «о печатании романа не может быть и речи. Идеология грустная, и этого не скроешь. Слишком велико мастерство, через него все еще ярче проступает». «Конечно, это необыкновенно талантливо. И, видимо, колоссальный труд. Но, посудите сами, зачем он это пишет? На что рассчитывает? И ведь это же может... навлечь!.. Как бы поосторожнее ему сказать, чтобы он понял. Не тратил сил и времени так расточительно и заведомо зря...» [5, с. 26] – так, по словам С. Ермолинского, отзывались о романе избранные знакомые писателя, допущенные на первые читки. По идеологическим параметрам и с точки зрения мастерства роман не соответствует своему времени, выпадает из него. Невозможно и перевести его и на другой эстетический язык, например драматический. С. Ермолинский в то время так писал о возможности или невозможности инсценировки романа: «Нет, капельмейстеру с усами, выражающему спокойное болото провинциального дореволюционного театра, тут решительно делать нечего» [3, с. 33].

Сам же Булгаков был убежден, что обречен на сатиру, изображающую «бесчисленные уродства нашего быта» (М. Булгаков), «яд, которым пропитан мой язык, глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противопоставление ему излюбленной и Великой эволюции, а самое главное – изображение страшных черт моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызывали глубочайшие страдания...» [2, с. 106]. Это составляло самую суть его творчества, отступать от которой он не собирался.

Как и предполагалось автором, при его жизни роман не был опубликован. Следовательно, материалом нашего исследования первого периода (1930-1950-е гг.) могут стать лишь отзывы весьма узкого круга читателей, а именно близких друзей и знакомых М. Булгакова. Вслед за Р. Ингарденом, мы полагаем, что успешное понимание текста достигается через схожесть его (читателя) кодирующей системы с авторской. Очевидно, что близость акцентов к авторским в восприятии современниками «Мастера и Маргариты» обусловлена схожестью их культурных, социально-бытовых условий жизни, общим политическим контекстом. После знакомства с материалами воспоминаний Е. Булгаковой, Т. Белозерской, С. Ермолинского, П. Попова и др. становятся понятнее многие мотивы собственно авторской интенции.

На поверхности – правдоподобное изображение образа жизни москвичей в 1930-е годы. По словам С. Ермолинского, «в романе жанровые и бытовые подробности московской жизни воспроизведены с абсолютной достоверностью» [3, с. 33]. Достоверное, несмотря на гротескные черты, изображение реалий коммунального быта, социальных норм, условий, диктуемых рядовым гражданам временем и политическим режимом, неизменно привлекали и привлекают внимание большинства читателей. Проведенные нами опросы показали, что люди старшего поколения (1920-1935 гг. рождения) хорошо разбираются в «правдивости/неправдивости» булгаковского взгляда. Так, ветеран Великой Отечественной войны Ю. П. Викторова (Москва, 1926 г.р.) полагает, что «Москва Булгакова как нельзя лучше отражает дух столичной жизни сталинского времени. Как сейчас помню: коммуналка. Муж за столом в бледном свете керосинки, дочка в кровати, и соседи бранятся за стенкой, на кухне. На кухне должна быть одна, ну или хотя бы две хозяйки. То, что было у нас, неизбежно приводило к конфликтам. <...> Помните, как Маргарита на метле подлетает к жилому зданию, и там, в окне две дамы на кухне бранятся? Так вот это точно про нас написал». К сожалению, ныне живущих современников писателя крайне мало, поэтому мы обратились к мемуарам супруги писателя Е. Булгаковой и нашли там упоминание о довольно забавных подробностях. В числе прочего Елена Сергеевна пишет о некой взбалмошной соседке Анне, которая, по ее мнению, явилась прототипом Аннушки с Садовой, а также о бесконечно скандалящих соседях по квартире на Садовой улице, из-за которых, «М. А. просто не имел возможности работать!» [2, с. 54]. «Подкупает точность изображения картин советского быта и советского обывателя, как центральной фигуры, окруженного бесконечными скандалами, очередями, давно примирившегося с дефицитом...», – отмечает живший по соседству с Булгаковыми В. Попов. Таким образом, современники оценивают роман как весьма реалистическую сатиру, не придавая особого значения его гротесковости [5, с. 31].

Ясных сведений о восприятии романа в ближайшем окружении писателя в тот период не так уж много. Обратимся к наиболее, на наш взгляд, показательным. Уже упомянутая нами Е. Булгакова, супруга писателя и наиболее близкий ему человек, неотступно фиксировала устные отзывы о романе их ближайших друзей. Например, 30-го марта 1930 г. она записывает отзыв С. Ермолинского, сделанный после чтения автором главы «На Лысой горе». Тот «говорит, что древние главы на необыкновенной высоте». Затем Е. Булгакова прибавляет: «Я тоже люблю их бесконечно. Ермолинский выражает свое восхищение исторической точностью изображения “древних глав”, требующей феноменального знания многих источников» [2, с. 101]. Позже на страницах воспоминаний «Время, я, Булгаков» Ермолинский проведет подробный анализ «древних глав», скрупулезно выверив источники того или иного булгаковского образа.

Елена Сергеевна почти ежедневно записывала отзывы слушателей, среди которых были психиатр С. Л. Цейтлин, А. А. Арент, Я. Л. Леонтьев, Н. Эрдман и др. «Чтение произвело громадное впечатление... Исключительно заинтересовали и покорили слушателей древние главы. Всех поразило необычайное знание М. А. эпохи. Но как он сумел это донести!» [Там же, с. 102]. Наибольшее впечатление производят «древние главы», но их оценивают как главы исторического романа.

Однако читатели из круга Булгакова высоко ценили и политическую сатиру в романе. Стоит напомнить об оценке С. Ермолинским эпизода с заказом Ивану Бездомному антирелигиозной поэмы, замысел которого, по свидетельству Е. Булгаковой, связан с еженедельной газетой атеистической направленности «Безбожник», выпускавшейся в Советском Союзе с 21-го декабря 1922 года по 20 июня 1941 года. (Издание являлась печатным органом Центрального Совета Союза воинствующих безбожников). Главной целью его стала антирелигиозная пропаганда, основанная главным образом на утверждении «несостоятельности и вредности религии как таковой» – полагает исследователь Соколов [6, с. 301]. Известно, что в процессе работы над романом автор тщательно собирал различные антирелигиозные статьи, отличавшиеся парадоксальными названиями (такими, как статьи журналиста советского «Гудка» И. Овчинникова «Религия против женщины», «Христос и Колядка», «Кулич и Пасха» и пр.). Сравним яркие заглавия рецензий на произведение Мастера – «Враг под крылом редактора», «Воинствующий старообрядец». С. Ермолинский считал этот эпизод романа особенно показательным в отношении «смелости и категоричности М. Булгакова как писателя и как гражданина» [3, с. 33].

В духе «шестидесятничества» и нарождающегося диссидентства С. Ермолинский представил в своих воспоминаниях 1960-х и начала 1980-х годов М. Булгакова как необычайно бескомпромиссного человека, вступившего в отчаянную борьбу с современным ему положением вещей. Мемуарист считает, что Булгаков, единственный на тот момент, изображает на страницах своего романа «писателей-приспособленцев».

Он сравнивает поучения Берлиоза Бездомному с «не раз слышанными в кулуарах Драмлиты разговорами, о том, как следует писать идеологически верные пьесы...». Ныне известно, что Булгаков аккуратно собирал «омерзительнейшие, богохульные статьи» [1, с. 208], а также откровенно хулильные статьи в свой адрес («Ударим по булгаковщине!» и т.п.). Своим негодованием по этому поводу он делился с друзьями, разделявшими его глубоко скептическое отношение к проектам раннего советского периода, зачастую

направленным не только против религии, но и против всех проявлений человеческой мысли, не соответствовавших идеологическому курсу. По мнению ветерана ВОВ Д. Ершовой (Калининград, 1928 г.р.), «никто не просмеивал выпендренную советскую манеру кричащих лозунгов и ярлыков столь виртуозно, как Михаил Булгаков». Вспомним: «Враг под крылом редактора» или «Воинствующий старообрядец» (роман «Мастер и Маргарита»), сравним с реальными заголовками статей газеты «Безбожник» – «Христианство против женщин», «Ударим по опиуму для народа!» и др.

Итак, «древние главы» явно выше «советских», но и они оцениваются скорее с позиции историзма, «правильного типа» культурно-исторического романа.

Таким образом, первые реальные читатели романа, советская интеллектуальная элита, ценят скорее точность изображения истории, владение текстом культуры, а не точность сатиры. «Свои» читатели Булгакова применяют к роману критерии Серебряного века (ср. суждения об «Огненном ангеле» В. Брюсова, романах Д. С. Мережковского). Более широкий круг современников воспринимает его в контексте досоветской и антисоветской реалистической сатиры.

Официальных свидетельств о том, что роман был представлен Сталину, главному читателю советской литературы, не имеется. Однако многочисленные упоминания о сводках агентов ОГПУ, дающих оценку «невыгодному власти» (С. Ермолинский), но, несомненно, необычайно значимому явлению советской литературы 30-х гг., наталкивают на мысль, что текст просто не мог пройти мимо генерального секретаря СССР, который стремился быть в курсе всего, что происходит в советской прозе, прочитывая 300-500 страниц в день. Высокая оценка Сталиным произведений Булгакова общеизвестна, но скорее всего он считал несвоевременной публикацию романа.

Основной зоной рецептивной компетенции «поколения Булгакова» стал общественно-политический, социально-бытовой и исторический пласты романа. Читатели и слушатели воспринимали Иешуа, Понтия Пилата как исторических фигур и ценили лишь эрудицию и компетентность автора, напоминая им лучшие произведения Серебряного века.

Следует отметить, впрочем, что эта целевая аудитория была, конечно, менее компетентна в вопросах истории и тем более истории христианства, чем высланная или эмигрировавшая интеллигенция первой волны русской эмиграции. По нашему мнению, Булгаков получил бы несравненно более компетентную оценку в эмигрантских кругах, будь роман опубликован в 1930-х в каких-либо русских зарубежных издательствах или журналах. В СССР писатель явно рассчитывал не на критику внутри своей референтной группы, состоящей из «людей театра», а на сочувствие и восхищение, на распространение «слухов» о гениальном романе.

С другой стороны, уже в 30-е годы наметилась неоднозначность и даже противоречивость в читательской оценке произведения. «“Моя уважаемая переписчица (сестра Е. С. Булгаковой О. С. Бокшанская (1891-1948)) очень помогла мне в том, чтобы мое суждение о вещи было самым строгим. На протяжении 327 страниц она улыбнулась один раз на странице 245-й (“Славное море...””) (имеется в виду эпизод со служащими Зрелищной комиссии, непрерывно поющими хором под управлением Коровьева – Фагота “Славное море священный Байкал...”»). Почему именно это её насмешило, не знаю. Не уверен в том, что ей удастся разыскать какую-то главную линию в романе, но зато уверен в том, что полное неодобрение этой вещи с её стороны обеспечено”, – писал М. Булгаков своей супруге на курорт. Что и получило выражение в загадочной фразе: “Этот роман – твоё частное дело”. Вероятно, этим она хотела сказать, что она не виновата...”» [2, с. 112]. В своих заметках Е. Булгакова частично передает свой разговор с вышеупомянутой Бокшанской, которая [Там же, с. 304], по ее словам, позже утверждала, что «не видит в романе главной линии». Между тем из воспоминаний Е. Булгаковой о вышеупомянутой знакомой можно сделать вывод о том, что она принадлежала к узкому булгаковскому кругу. Ее мировоззрение резко отличалось от взглядов, принятых в окружении писателя, по преимуществу состоявшем из «театралов». Этим, вероятно, объясняется превратное отношение к произведению.

Необходимо учитывать, что понимание тонкостей авторского замысла было невозможно и без знания истинной общественно-политической обстановки в стране, о которой, естественно, простые граждане не были осведомлены. Круг же «творческой интеллигенции», к которому, в частности, принадлежал известный в то время в Москве издатель Н. Ангарский-Клестов, имел достаточно ясное представление о государственной политике в сфере искусства. В 1949 г. он по достоинству оценил текст, и в особенности его сатирическую сторону.

Интересно отметить, что наиболее сильное впечатление на всех вышеперечисленных реципиентов произвели сцены в Варьете, а также в филиале Зрелищной комиссии. (Ср. «Когда я читала сцену в филиале Зрелищной комиссии, ну, про Славное море... то постоянно приходила к выводу, что так высмеять, так отомстить самому образу мысли, навязываемому нам в 30-е – 40-е, если хотите, мог только гений. Таков для меня Михаил Булгаков», – говорит Елена Павловна, старожила Москвы [4]).

Таким образом, как и большинство великих произведений, роман «Мастер и Маргарита» не был признан таковым сразу после выхода в свет. Его референтная группа была слишком узкой и не всегда компетентной в суждениях о его литературном мастерстве. Ее интересовала проблема «реалистичности» как сатирического, так и исторического пластов романа. Именно поэтому восприятие его аудиторией 1930-х – 1950-х гг. было совсем неоднозначным. Реципиенты высказывали свое, пока еще не опосредованное авторитетным мнением, суждение. В конце 1960-х годов оно уже будет опосредовано оценками литературно-критического общества, многомиллионной советской интеллигенции.

Список литературы

1. Булгаков М. А. Избранные сочинения. М.: Кн. палата, 1999. 453 с.
2. Булгакова Е. С. Дневник Елены Булгаковой. М.: Кн. палата, 1990. 400 с.
3. Ермолинский С. Из записок разных лет // Вехи. М., 2002. № 3. С. 32-36.
4. Образцова Е. Прогулки по булгаковской Москве: цикл телепередач. Москва. Эфир от 26.03.2010.
5. Попов В. Жизнь и творчество М. Булгакова // Правда. М., 1991. № 6. С. 23-31.
6. Соколов Б. Расшифрованный Булгаков. М.: Дом, 2006. 432 с.

**ABOUT THE RECEPTION FEATURES OF NOVEL "THE MASTER AND MARGARITA"
IN THE 1930-1950S IN VARIOUS REFERENCE GROUPS**

Samoilova Dar'ya Andreevna
Novosibirsk State Pedagogical University
dana220@mail.ru

The author analyzes the perception of Bulgakov's novel at the stage of its creation in the context of two circles of readers - close to the author and potential - a wide circle of his contemporaries, who discovered the work only in the 1960s, and reveals the features of reception, determined by the change of social-political, cultural-historical and axiological background of the epoch.

Key words and phrases: reception; axiological background of epoch; modification of reader's perception; reference group.

УДК 81

Филологические науки

Статья раскрывает оценочный компонент фразеологических единиц, обозначающих характер человека в татарском языке. Основное внимание в работе автор акцентирует на анализе фразеологических единиц с оценочным компонентом, что дает возможность выявить языковые единицы, выражающие отрицательные, положительные и нейтральные оценки характера человека. Полученные данные позволят глубже изучить систему мышления носителей татарского и, шире, тюркских языков.

Ключевые слова и фразы: фразеологическая единица; лексико-семантическое значение; оценочный компонент; динамическая сторона ФЕ; содержательная сторона ФЕ.

Сибгаева Фируза Рамзеловна, к. филол. н.
Казанский федеральный университет
FiruzaRS@mail.ru

**ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ,
ОБОЗНАЧАЮЩИХ ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕКА В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ[©]**

Фразеологизмы представляют собой такие языковые единицы, которые наделены целым рядом существенных, определяющих признаков. Исследования различных фразеологов показали, что в зависимости от того, какой признак считался решающим, – а на этот счёт имеются весьма различные точки зрения – границы фразеологии то расширялись, то сужались. В качестве главного, дифференциального признака выдвигались: непереводаемость на другие языки (Л. А. Булаховский, А. А. Реформатский), образность (А. И. Ефимов, Ю. Р. Гепнер), воспроизводимость (Н. М. Шанский, С. Г. Гаврин, Л. И. Ройзензон), сочетаемость лексем и семем (М. М. Копыленко), внутрикомпонентные связи (В. Л. Архангельский), идиоматичность (А. И. Смирницкий), целостность номинации (И. С. Торопцев), лексическая неделимость (Е. А. Иванникова) и т.д. [3, с. 78].

Ю. А. Гвоздарев в качестве главных категориальных признаков фразеологизма выдвигает лексическое значение, компонентный состав и грамматическое значение [Там же, с. 82]. А. М. Бабкин считает, что для фразеологизма характерны прежде всего такие признаки, как смысловая целостность, устойчивость сочетания слов, переносное значение, экспрессивно-эмоциональная выразительность [1, с. 26].

Расхождения во взглядах исследователей можно объяснить сложностью ФЕ как категориальной языковой единицы. Тем не менее, наметились и точки соприкосновения. Некоторое сближение позиций различных учёных связано с более гибким подходом к раскрытию природы ФЕ, лишённых прямолинейности и абсолютизации выдвигаемых признаков.

Интерес к образу жизни народов других стран существует издавна. Отношения между государствами поддерживаются растущими день ото дня международными контактами, успех которых зависит от того, будет ли иметь место адекватное взаимопонимание участников диалога, принадлежащих к разным национальным культурам. Одним из способов ознакомления с картиной мира татарского народа в данном случае являются фразеологические единицы, обозначающие характер человека.